

Оглавление

<i>Предисловие автора</i>	3
-------------------------------------	---

Часть I

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТИ ЛЕТ

Глава 1. Юный ураган по имени Эвис	7
Глава 2. От дружбы к романтике	13
Глава 3. Случайная встреча	22
Глава 4. Незнакомка	25
Глава 5. Жертвы обстоятельств	30
Глава 6. Предложение руки и сердца	38
Глава 7. Исповедь другу	43
Глава 8. Как вспышка молнии...	51
Глава 9. Знакомые видения вдали.	60

Часть II

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК СОРОКА ЛЕТ

Глава 1. Прежний образ возвращается.	67
Глава 2. Она приближается и радуется.	79
Глава 3. Она уходит в мир иной.	87
Глава 4. Призрак или телесная сущность?	96
Глава 5. Продолжение следует.	102
Глава 6. Прошлое сияет в настоящем.	106
Глава 7. Новое становится постоянным	114
Глава 8. Противостояние с собственной душой.	122

Глава 9. Превратности судьбы	128
Глава 10. Она не исчезает	137
Глава 11. Странное соседство	144
Глава 12. Мышеловка захлопнулась	151
Глава 13. Очередная потеря	162

Часть III

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ

Глава 1. Она возвращается	169
Глава 2. Беспечная, свободная и опасная	180
Глава 3. Новый образ Возлюбленной	188
Глава 4. Рывок к последнему воплощению	197
Глава 5. На грани обладания	208
Глава 6. Возлюбленная — где она?	219
Глава 7. Возвращение к прошлому	233
Эпилог	240

Предисловие автора

Высеченный временем из единой скалы полуостров, где происходят почти все описываемые события, с незапамятных времен служил домом удивительным, а порой необыкновенным людям, хранившим странные верования и обычаи, теперь уже по большей части забытые. Подобно некоторым нежным растениям, которые не способны вынести морозы внутри материка, но при этом прекрасно уживаются с непредсказуемым приморским климатом, легенды возникают здесь естественно, будто сами собой, особенно среди местных обитателей, активно не занятых в экономической жизни края.

Вот почему именно в этом удивительном и странном уголке возник персонаж, который описан на этих страницах. Кое-кто назовет его фантазером (если, конечно, удостоит вниманием), другие увидят в нем человека, способного воплотить в реальность и наделить именем свойственную философской школе Платона утонченную мечту, которую в туманной форме разделяют почти все мужчины.

Тех, кто хорошо знаком со скалистым английским берегом, нависшим над входом в Ла-Манш, так далеко выдающимся в море, что теплое дыхание

Гольфстрима ощущается вплоть до февраля, нередко удивляет, что художники и поэты не едут сюда в поисках вдохновения хотя бы на месяц-другой, причем в бурное время, а не в прекрасную солнечную погоду. Несомненно, один из потаенных здешних уголков служит прибежищем гениев из дальних краев, хоть их присутствие и почти незаметно. И все же хорошо, что художники, писатели и другие люди искусства пренебрегают этим местом, иначе мы бы уже ничего не знали о сделках с недвижимостью, построенной еще в Средние века, и не имели возможности любоваться каменными домишками со средниками, крошечными навесами и карнизами. Кстати, здесь было принято все подобные сделки заключать и заверять в местной церкви, в присутствии прихожан.

Что же касается представленной на суд читателя истории, то, в отличие от большинства других подобных, она целиком плод воображения, если не откровенных фантазий автора, поэтому последовательность описанных событий полностью подчинена достижению его цели.

Первая публикация романа как самостоятельного издания состоялась в 1897 году, однако в периодической прессе он появился еще в 1892-м под названием «В поисках Возлюбленной». Некоторые главы были специально переработаны для этого, окончательного варианта.

Август 1912

Часть I

*МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
ДВАДЦАТИ ЛЕТ*

И вот, пусть знает Время,
Что та, чей взор сияет ярче звезд,
Чей лик прекрасней солнца,
И есть моя любовь:
Другой я не ищу.

Р. Крэшо

Глава 1

ЮНЫЙ УРАГАН ПО ИМЕНИ ЭВИС

По крутой дороге, что пересекает городишко Стрит-оф-Уэлс графства Уэссекс и ведет к проливу Ла-Манш, поднимался молодой человек, заметно отличавшийся от местных жителей. Стоит упомянуть, что с землей этот участок суши, бывший остров, связан лишь узким длинным каменистым перешейком, который, как считали старожилы, накидало разгневанное море и не имело аналогов в Европе.

Путник выглядел так, как и должно столичному джентльмену, и вряд ли кого-то удивил бы своим внешним видом: городской облик не больше чем облочка.

Преодолевая крутой каменистый подъем, молодой человек с раскаянием думал о том, что в последний раз навещал отца и свою суровую родину больше трех лет назад, а все это время провел в далеких краях, среди множества разнообразных людей и необыкновенных пейзажей.

То, что нисколько не удивляло, пока он жил здесь, на «острове», теперь, по прошествии времени, выглядело странным и даже причудливым. Сей-

час это место особенно напоминало древний остров Виндилия, чем, если верить легенде, когда-то и было. Дома здесь громоздились один на другом: порог верхнего возвышался над трубой нижнего, — огороды с почти вертикальными грядками овощей казались подвешенными к небу. Весь остров представлял собой, по сути, похожую на башню скалу известняковой породы высотой в четыре мили. Этот удивительный пейзаж уже не воспринимался с детства знакомым, близким и родным, напротив: на фоне темно-синего моря все вокруг казалось ослепительно белым, а солнце придавало слоистым стенам руин вид высушенного до фарфорового блеска скелета, заставляя по-новому увидеть некогда знакомые картины.

После долгого изматывающего подъема молодой человек наконец взобрался на вершину скалы и по плато направился к месту назначения, которое здесь называли Восточной деревней. В два часа пополудни, в самый пик летней жары, дорога так вымотала, что на подступах к отцовскому дому он присел передохнуть на выжженную солнцем траву на обочине.

Прислушавшись, он уловил характерные звуки, похожие на храп, которые привык слышать с детства: это в карьерах круглосуточно добывали драгоценный известняк каменщики.

Напротив того места, где присел отдохнуть путник, возвышался просторный дом. Как и сам остров, он весь состоял из камня: не только стены, но и оконные проемы, крыша, трубы, забор, ступеньки, — такими же были и хозяйственные постройки.

Молодой человек вспомнил, что прежде здесь жила — а возможно, живет и по сей день — семья Каро. Их называли «Каро с чалой кобылой», чтобы не

путать с другими Каро: ведь на всем острове было не больше полудюжины фамилий. Поднявшись, молодой человек перешел через дорогу и осторожно заглянул в приоткрытую калитку. Да, здесь по-прежнему жили те же люди. Миссис Каро увидела его в окно вышла на порог поприветствовать, а спустя мгновение за ее спиной появилось юное создание — девушка лет семнадцати — и с радостным криком бросилась дружески обнимать и целовать гостя.

— А вот и дорогой Джос!

Если смотреть на обладательницу светло-ореховых глаз и пышных каштановых локонов, то столь непосредственная демонстрация горячей симпатии выглядела восхитительно, однако джентльмену чувства показались слишком бурными: он невольно поморщился и отреагировал довольно сдержанно:

— Милая малышка Эвис, как поживаешь?

В импульсивной невинности девушка не заметила его холодности и смущения, чего не скажешь о миссис Каро: ничего не упустив и густо покраснев, дама попеняла дочери:

— Эвис, дорогая! Ну что такое ты делаешь? Пойми: с тех пор как Джоселин — то есть мистер Пирстон — уехал, ты успела стать взрослой девушкой, а стало быть, вести себя так же, как три-четыре года назад, недопустимо!

Пирстон не без труда загладил возникшую неловкость заверением, что нисколько не удивлен: не стоит переживать, — и последовавшим обменом несколькими фразами на общие темы. С раздражением подумал он о том, что невольная реакция выдала его растерянность, и осознал, что если станет относиться к Эвис иначе, чем прежде, то она никогда не простит охлаждения. Расстались они дружески, однако лицо

девушки все-таки выразило не только сожаление, но и разочарование.

Джоселин, наконец, покинул гостеприимных соседей, вышел на дорогу и направился к расположенному неподалеку родному дому, а мать и дочь остались вдвоем.

— Ты поразила меня, дитя! — сердито воскликнула миссис Каро. — Молодой человек вернулся из столицы, наверняка жил и за границей, привык к строгим манерам, где леди считают вульгарными не только смех и восторги, но даже широкие улыбки! Как ты смогла позволить себе такую вольность, Эвис?

— Я как-то... не подумала об этом: ведь мы вместе выросли! — с раскаянием и смущением пролепетала девушка. — Раньше мы с Джосом всегда целовались при встрече...

— Тогда вы были детьми, дорогая.

— О да, но в ту минуту я обо всем забыла! Он казался точно таким же, как прежде.

— Ну, теперь уже ничего не изменить, но в будущем веди себя осторожнее. Наверняка мистер Пирстон общался со многими девушками и вряд ли вспоминал о тебе. Говорят, он теперь скульптор и со временем обязательно прославится.

— Ах как жаль, что ничего исправить уже нельзя! — горестно вздохнула девушка.

Тем временем молодой, но подающий надежды скульптор Джоселин Пирстон подошел к дому отца — чуждого искусства простого ремесленника и торговца, от которого, однако, он снисходительно принимал сулившее грядущую славу немалое ежегодное содержание.

Поскольку уведомления о своем приезде Джоселин не посылал, мистер Пирстон куда-то ушел, и никто не

встречал дорогого гостя. Джоселин немного постоял, обозревая знакомую с детства картину: просторный двор, где вечные пилы трудились над вечными каменными блоками (казалось, это были те самые пилы и те самые блоки, что и в прошлый приезд), и прошел через дом в сад.

Как все сады и огороды на острове, этот был окружен сложным из каменных плит забором, а в дальнем конце соседствовал с владениями семейства Каро. Едва приблизившись к границе своего участка, он услышал доносившиеся из-за стены рыдания, время от времени прерываемые горестными причитаниями. Голос, без сомнения, принадлежал Эвис: бедняжка с кем-то делилась переживаниями.

— Ах как жаль! Что же теперь делать? — то и дело восклицала девушка. — Вела я себя недопустимо: дерзко, развязно, бесстыдно! Он никогда мне этого не простит и вряд ли захочет дружить! Наверняка считает меня невежей и нахальной девицей, а я всего лишь забыла... что уже не ребенок. Только ведь он этому никогда не поверит!

Казалось, Эвис впервые осознала, что превратилась в девушку, и это было для нее непривычно, пугающе и даже постыдно.

— Он рассердился? — спросил ее кто-то — может, подруга.

— О нет, не рассердился, хуже: был холоден и высокомерен. Сразу превратился в джентльмена, такого светского хлыща, совершенно непохожего на парней с острова. Но какой смысл теперь это обсуждать? Лучше бы мне провалиться сквозь землю!

Пирстон поспешил удалиться, искренне сожалея о том, что причинил невинной душе столько страданий, но в то же время почему-то испытывая

удовольствие. Вернувшись в дом, он дождался возвращения отца, а после обеда опять вышел с искренним желанием утешить юную соседку неожиданным для нее способом. Впрочем, надо отметить, что Джоселин испытывал скорее дружеские, чем какие-то иные чувства, и ни в коем случае не предполагал, что та блуждающая, неуловимая, постоянно перелетающая из одной телесной оболочки в другую идеализация женского начала, которую он называл любовью, собиралась воплотиться в образе Эвис Каро.

Глава 2

ОТ ДРУЖБЫ К РОМАНТИКЕ

Встретить девушку снова оказалось нелегко, даже несмотря на то, что обычно на этом каменистом пятчке куда сложнее разминуться, чем столкнуться. Похоже, смущение, порожденное слишком эмоциональным приветствием, до неузнаваемости изменило Эвис. Так что, несмотря на соседство, как бы Джоселин ни старался, увидеть ее не сумел. Стоило ему переступить порог дома Каро, она тут же, подобно лисе, пряталась в нору — то есть скрывалась наверху, в своей комнате.

Стремясь загладить невольный промах и утешить девушку, Джоселин не пожелал долго терпеть хитроумные уловки. На острове царили самые простые, порой даже примитивные, нравы, причем и среди представителей зажиточной части населения, поэтому, в очередной раз заметив бегство подруги детства, молодой человек вошел в дом и, остановившись возле лестницы, громко позвал:

- Эвис!
- Да, мистер Пирстон.
- Почему ты убежала наверх?

— О, мне срочно понадобилось кое-что здесь взять.

— Но теперь-то ты можешь спуститься?

— Нет, пока не могу.

— Прошу тебя, Эвис!

Ответа не последовало.

— Что же, будь по-твоему: оставайся там, если хочешь. Не стану тебя беспокоить.

Пирстон гордо удалился и направился в сад. Там его внимание привлекли старомодные цветы возле стены, и он остановился, чтобы посмотреть на них, когда услышал за спиной знакомый голос:

— Мистер Пирстон, я вовсе не рассердилась на вас. Когда вы ушли, подумала, что неправильно меня поймете, вот и решила спуститься, чтобы заверить в своей дружбе.

Девушка догнала его и теперь стояла совсем близко, смущенно теребя кружевные манжеты.

— Добрая, милая Эвис! — отозвался Джоселин и, распахнув объятия, запечатлел на пылающей щеке поцелуй, ничуть не менее эмоциональный, чем тот, который сам получил по приезде.

— Дорогая моя подруга, прости мне невольный промах. Скажи, что не обижаешься! Ну же, скорее! И тогда я произнесу те слова, с которыми ни разу не обращался ни к одной представительнице прекрасного пола: «Готова ли ты стать моей женой?»

— Ах, но мама говорит, что я для вас лишь одна из многих!

— Нет, милая. Ты знала меня в пору юности, а другие не знали.

Постепенно Пирстону удалось преодолеть возражения Эвис. Хоть она и не дала немедленного согласия, все же пообещала подумать и встретиться